

Немирович-Данченко Василий Иванович

Мирская печальница

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Мирская печальница / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-99117-9

ISBN 978-5-519-99117-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

щихъ. Дрожать бѣдняги,—посинѣли. Я ѣхалъ, закутавшись, воротникъ поднялъ, шапку нахлобучилъ. Но какъ я ни закрывался, а оказалось,—сухой нитки на мнѣ нѣтъ, насквозь сыростью прохватило. Дома не лучше. Три часа пополудни, а точно ночь наступила. Въ окно хоть не гляди: сѣро, скверно, тучей обволокло тебя. „Ну, думаю, теперь бы я ни за что на улицу носа не показалъ“... Переодѣлся, затопили мнѣ каминъ, взялъ я какую-то книгу, поудобнѣе въ кресло усѣлся, какъ вдругъ докладываютъ мнѣ:

— Барышня васъ спрашиваютъ.

— Какая барышня? Мой Семень, — вы знаете,—остроуміемъ не отличается. Онъ подумалъ-подумалъ и рѣшилъ:

— Одѣтая не то чтобы... Изъ тѣхъ, которыя по книжной части бѣгаютъ.

— Проси...

Входитъ барышня... Думаю, дѣйствительно, „по книжной части“. Худенькая, блѣдная-блѣдная, ни кровинки въ лицѣ, губы бѣлыя, какъ у чахоточныхъ.

Такъ въ гробъ кладутъ. Кашемировое

платице заплатано кое-гдѣ, но чистенькое. У шеи и у рукавовъ подмокло. Пальто, должно быть, коротко. Волосы причесаны гладко и жиденькіе. Руки красны,—холодно имъ, бѣднымъ. Подалъ ей свою,—дрожить. Плечами поводитъ, не отогрѣлась еще. Ботинки у нея были худыя-худыя, ѣсть просили. И, разумѣется, сыростью ихъ насквозь прохватило. На полу—сырыя пятна отъ нихъ.

Одно, что у нея было хорошо,—глаза. И не большіе, и не горячіе, а такъ, что-то есть въ нихъ. Во-первыхъ, взглядъ ужъ очень серьезный, глубокій. Даже вѣдь безцвѣтные какіе-то, а прямо въ душу вамъ смотрятъ. И не только умъ въ нихъ, — нѣтъ, и доброта душевная видна.

Я усадилъ ее къ камину, въ покойное кресло, да человѣку приказалъ сейчасъ же подать ей чаю горячаго, и впередъ еще,—она и не сказала, зачѣмъ пришла,—а я готовъ ужъ былъ все для нея сдѣлать. Начала, было, она говорить, а я ей:—Голубушка, пока вы не отогрѣетесь да въ

себя не придете, я съ вами толковать не стану. — Смѣется: — Это, — поясняетъ, — вамъ въ диковинку, а я вѣдь каждый день такъ. По урокамъ да за перепискою. Я сегодня у васъ уже вторично.

Ну, согрѣлась она и сейчасъ же торопливо-торопливо давай дѣло свое рассказывать... Точно боится у меня отнять время, и краснѣетъ, и робѣетъ, и сама на себя злится за это, — вижу, больно губы прикусываетъ. Отъ деликатности это. Намъ пальцемъ шевельнуть только, чтобы исполнить ихъ просьбу, а онѣ такъ приступаютъ къ ней, точно придется для нея горы сворачивать.

III.

— Читала я, — говоритъ, — о переселенцахъ... Просто мнѣ спать они не даютъ.

— Чѣмъ же это?

— Ужасно, ужасно. Дома, землю бро-

сили... Двинулись съ дѣтьми крохотными „мѣста“ отыскивать въ Сибири... Пишутъ, набралось ихъ въ Тюмени,—силъ человѣческихъ нѣтъ справиться съ ними со всѣми. Какіе жалкіе, заброшенные! Больныхъ между ними сколько, и ухода никакого.

— Да что жъ вы-то сдѣлать можете?— удивляюсь я на нее. И, правду сказать, смѣшно мнѣ даже стало.

— Какъ что?.. помочь имъ... Я училась медицинѣ, ходить за ними могу...

— За переселенцами?

— Да, именно!..

И кровь ей въ лицо бросилась. Затрепыхалась моя гостыя какъ-то,—видимое дѣло, досадно ей, что я никакъ въ толкъ не могу взять ея мыслей.

-- А развѣ здѣсь вы не можете ходить за больными?

— Здѣсь?... Здѣсь на это много охотницъ... Очень много... А тамъ... Вы, подумайте, въ такую погоду они подъ тѣлѣгами ночуютъ... Холодно, мокро. Голодные дѣти кричатъ, у матерей молока

давно нѣтъ. Нѣтъ, я, знаете... я рѣшилась окончательно... И вы напрасно отговаривать меня станете...

Я посмотрѣлъ на нее. Этакая „хлипкая“, какъ говорятъ у насъ, думаю,—гдѣ ей справиться? Сквозь платье видно, какъ выдались острые ключицы, какъ худы плечи! И рука тонкая, точно у слабого ребенка.

— Милая вы моя, вы на себя посмотрите, ну, куда вамъ такими цѣлями задаваться?

— Это вы по моему виду заключили?

— Да!

— О, объ этомъ и толковать нечего... Что я... Если мнѣ удастся хоть десятую долю,—я и то счастлива буду... Смыслъ всей жизни въ этомъ... Нужно итти, бѣжать къ нимъ, помочь... И скорѣе, скорѣе!

— Да чѣмъ... чѣмъ? Ну, скажите, чѣмъ вы-то поможете?

— Объ этомъ я подумаю на мѣстѣ... Я тоже себя знаю... Попаду туда,—буду

Тутъ только пришло мнѣ въ голову спросить ее наконецъ:

— Ну, а чѣмъ я вамъ могу быть полезнымъ?

— Вы въ Томскѣ многихъ знаете?

— Да, многихъ.

— Дайте мнѣ письмо туда, это разъ... А во-вторыхъ, мнѣ не съ чѣмъ подняться. Если бъ я имѣла до Нижняго билетъ третьяго класса, а тамъ до Перми—на пароходахъ, хоть на палубѣ,—это мнѣ все равно, отъ Перми до Ирбита—тоже третій классъ. Говорятъ, такіе есть льготные билеты...

— Да вы въ третьемъ классѣ не выдержите, особенно на пароходѣ.

— Это я-то?—удивилась она.

— Да, вы!

— Богъ съ вами!

И она даже засмѣялась, до того дика ей показалась мысль, что она можетъ не выдержать такихъ лустяковъ.

— Вы знаете Анфису Ѳедоровну?—Это совсѣмъ душевный человѣкъ! Ыдемте сейчасъ къ ней, тамъ мы потолкуемъ. Анфи-

са Федоровна полгорода знаетъ. Она вамъ и билеты добудетъ, и вмѣстѣ вы это дѣло обсудите, какъ его лучше оборудовать! А только жалко мнѣ васъ,—вамъ бы самимъ полѣчиться да заняться своимъ здоровьемъ, а не о другихъ думать.

Засмѣялась она.

— Я,—говорить,—изъ такихъ, что только на большомъ и хорошемъ дѣлѣ окрѣпнуть могутъ.

Покачалъ я головой и не сталъ разубѣждать ее.

IV.

Анфису Федоровну мы застали дома. И, разумѣется, въ такихъ дѣлахъ,—дѣлахъ сердца,—она оказалась гораздо умнѣе нашего брата. Мы всюду видимъ или выдумываемъ препятствія, а хорошая женщина ихъ какъ-то не замѣчаетъ. Она проще относится къ дѣлу, и то, что поразило меня, ее и не удивило даже. Мои опа-

сенія за здоровье „хлипкаго“ и блѣднаго созданія ея даже не коснулись. Ей и въ голову не пришло говорить: „да какъ вы это выдержите, да вы сами сляжете!“ Она сразу душевнымъ чутьемъ своимъ поняла, что „такъ надо, такъ слѣдуетъ дѣлать“, а разъ поняла, отъ этого именно пункта и пошла далѣе и стала обсуждать съ нею чисто дѣловую сторону: какъ все это лучше устроить, чѣмъ запасть, за что именно приняться на первыхъ порахъ. И сближаются хорошія женщины на такой почвѣ необыкновенно быстро. Я въ другую комнату покурить пошелъ, вернулся, смотрю, — Анфиса Ѳедоровна уже попросту ее Танечкой называетъ и такъ съ ней разговариваетъ, точно онѣ, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ уже коротко знакомы.

Изъ ихъ разговора я убѣдился, что Танечка, помимо своихъ милыхъ душевныхъ свойствъ, получила довольно солидное образованіе. Она принадлежала къ числу тѣхъ дѣвушекъ, которыя серьезно работали надъ собою, прошли сначала гимна-

зію, потомъ поступили на курсы, въ силу неутолимой жажды знанія. Это серьезные умы и добрыя сердца, одушевленные искреннимъ желаніемъ сѣять вокругъ счастье, дать людямъ радость и благо; одушевленные настолько, что даже слухи о чужихъ бѣдствіяхъ дѣлаютъ этихъ Танечекъ несчастными и заставляютъ ихъ бѣжать на помощь. Не одна сотня этихъ Танечекъ во время войны сгинула отъ горячекъ и тифа, оставаясь, какъ часовые, на своихъ постахъ среди отравленныхъ лазаретовъ и госпиталей. Вмѣстѣ съ солдатами онѣ обнаружили несокрушимыя силы.

Онѣ явились честью своего народа...

V.

Такъ и поѣхала Танечка.

Жаль ее было ужасно. Отказалась отъ всего для себя самой. Шубки даже не

взяла. Такъ, въ легонькомъ пальтишкѣ — на сибирскіе морозы. Потому у насъ — гнилая осень, а тамъ вѣдь ужъ и двадцать пять градусовъ морозу. Веселая въ вагонъ садилась, глаза счастьемъ горятъ, дождаться не можетъ, когда до дѣла дойдетъ. Руку пожала мнѣ, — чувствую, пальчики ея дрожатъ.

А день этотъ былъ такой ненастный, что и нашей осени и то въ диковину. Туманъ стоялъ кругомъ. Наканунъ выпалъ снѣгъ и за ночь растаялъ. По улицамъ — сплошная грязь. Ее, бѣдную Танечку, пока она до нижегородскаго вокзала доѣхала, всю залѣпило. Анфиса Ѳедоровна любопытствовала ея пальтишко посмотрѣть и ахнула: саржевая подкладка какая-то, ни клочка ваты... Хотя бы платкомъ горло обернула, такъ нѣтъ. Ужъ на-силу навязали ей шерстяную шаль какую-то...

Третій звонокъ дали... Кондукторъ въ послѣдній разъ свистнулъ... Анфиса Ѳедоровна благословила ее. А я, правду сказать, какъ на мертвую, смотрѣлъ на